

Игнац Лозо.

Я обращаюсь к вам больше как историк. Хотя я также режиссер немецкого телевидения. Как раз сейчас мы снимаем здесь фильм о распаде Советского Союза. И я имел возможность встретиться со всеми, кто еще жив, кто участвовал в этом процессе.

Что меня потрясло, когда я писал книгу об Августовском путче: .из СМИ эта тема - с августа по декабрь 91-го года - исчезла. Но кажется, что власти здесь в принципе скрывают свою историю. И этот процесс начался не при Путине. Именно Ельцин упустил шанс сделать, например, Августовский путч событием национальной памяти. Он воздержался от введения праздничного, нерабочего дня. Если бы он это сделал, это было бы очень хорошо. 22-го числа вывешивают флаги, но это рабочий день, его никто не воспринимает как национальный праздник.

А причина, что этот 91-й год отошел, и о нем все больше забывают, - это реванш КГБ. В 91-м году они потерпели поражение. А в 2000 году Владимир Владимирович Путин пришел к власти. Когда была первая инаугурация, он пригласил Владимир Крюкова, который был последним главой КГБ и главным инициатором путча. Началась реабилитация путчистов.

В 2001 году состоялась даже пресс-конференция всех путчистов, не было только Крюкова, который болел. Это было знаком реабилитации тех времен. Путин сказал, что они, конечно, хорошее дело делали, но не выбрали правильные методы.

Из всего этого следует, что в России нет интереса к победе над путчистами как очень важной дате в вашей истории. Для нас это непонятно. Для части российских граждан это тоже непонятно.

Хотел еще добавить, что здесь нет никаких памятников, ничего, чтобы вспоминать о 91-м годе. Кроме скромного памятника троим погибшим на Садовом кольце. И это, в принципе, все... Могу подтвердить то, что в

принципе было уже сказано до меня: 91-й год ушел из памяти общества, стал забытым и непопулярным событием.

Как дальше будет? Я не думаю, что можно всегда скрывать свою историю и интерпретировать, как хочешь. Эти факты, я думаю, когда-нибудь победят. Но демократы должны, в принципе, себя защищать.

Здесь говорили, что Беловежская пуша – это тоже был путч. Я с этим, в принципе, согласен. Хотя уже не было возможности в тот момент, после референдума на Украине, спасти Союз. Но интересно, что о Беловежье, о том, как это было, тоже все скрывали. Один-единственный оператор там был. Он был из Белоруссии, и он случайно попал в самолет из Минска, на котором они тайно летели в Беловежскую Пушу. Я нашел этого оператора в Минске и интервьюировал его.

Очень характерно, что никаких западных журналистов там не было, никаких союзных журналистов не было. Это уже говорит о секретности этой встречи. Шахрай, который тоже в ней участвовал, рассказал мне: на самом деле это была более или менее секретная встреча. Когда возвращались в Москву на самолете, в нем царило гробовое молчание. Все они боялись и думали, что, может быть, их арестуют. И это же мне подтвердил Кравчук в Киеве.

Много о чем можно еще говорить в этой связи. Но очень жаль, что здесь, в России, это огромное, важное событие 91-го года, фактически, не существует.